

О. В. Марченко (Москва, РГГУ)

Символика сердца в размышлениях
Вяч. Иванова, В. Эрн и о. П. Флоренского:
некоторые замечания

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

(Ф.И. Тютчев)

Нижеследующие заметки – попытка прояснить ряд моментов довольно известного, но, как представляется, весьма сложного, странного и даже загадочного, текста, принадлежащего перу Флоренского, сопровождаемого эпитафией из Вяч. Иванова и посвященного их общему другу: «Памяти Владимира Францевича Эрн» (26 V 1917).¹

Флоренский предполагал включить текст в планировавшийся им для книгоиздательства «Путь» сборник «Памяти Эрн», он собирал для него материалы; замысел этот остался неосуществленным.²

В. Ф. Эрн (1882–1917) – один из самых заметных представителей русского религиозно-философского Ренессанса начала XX века, – и как талантливый философ, историк, публицист, и как яркая личность. Человек глубокой и подлинной религиозности, больших и разнообразных дарований, цельная натура которого органически сочетала могучее волевое начало и вдохновенную созерцательность, Эрн остался в памяти многих его современников как «мыслитель с темпераментом бойца» (Г. В. Флоровский), «исповедник и витязь начала Логоса, мужеской солнечности» (С. Н. Булгаков).³

Странность и загадочность посвященного Эрну текста в том, что этот по жанру некролог очень напоминает *мистико-магическую новеллу*, с нетривиальным сюжетом, сложной организацией повествования, многослойностью художественного времени,⁴ глубокой «гнездовой» символикой. Подобного рода жанровые смещения не новость для

¹ Был зачитан по просьбе автора С.Н. Булгаковым 26 мая 1917 г. в Москве на заседании Религиозно-Философского Общества, посвященного памяти Эрн. Первая публикация: Христианская мысль. – Киев. – 1917. №11/12. С.69-74. Далее цитируется как «Памяти...» по изд.: Флоренский П., свящ. *Сочинения*. – В 4 т. – Т. 2. – Москва, 1996. – С.346-351. Составители и комментаторы сообщают (С.760), что имеется беловая рукопись, написанная под диктовку Флоренского о. Александром Гиацинтовым; на 1-й странице особо, после завершения диктовки, самим Флоренским вписан эпитафий из Вячеслава Иванова.

² Часть материалов сохранилась в архиве семьи Флоренских; выражаю искреннюю признательность о. Андронику Трубачеву за возможность работы с ними. О замысле сборника см.: Голлербах Е.А. *К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910-1919) в поисках новой русской идентичности*. – Санкт-Петербург, 2000. – С.191-192; см. также нашу публикацию с подробными комментариями работы С. Н. Дурьиной «Памяти В.Ф. Эрн» из архивных материалов к этому сборнику: Марченко О.В. *Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX-XX вв. Исследования и материалы. Часть I*. – Москва, 2007. – С.241-263.

³ О жизни и философских взглядах В.Ф. Эрн см.: Staglich D. *Vladimir F. Ern (1882 - 1917). Sein philosophisches und publizistisches Werk*. –Bonn, 1967; Марченко О.В. *Очерки по истории философии*. – Москва, 2002. –С.158-230; богатый материал собран в 1064-страничном томе: *В.Ф. Эрн: pro et contra*. – Санкт-Петербург, 2006.

⁴ О понимании Флоренским времени как сопряжении *разрывностей* речь шла в нашем выступлении «Тема новоевропейского “рационализма” у Павла Флоренского и Владимира Эрн» на международной конференции «Pavel Florenski et l'Europe, Creuset d'influences et intériorisation des marges (III) Павел Флоренский и Европа», Bordeaux, Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 12-14 ноября 2009 г.

Флоренского, мыслителя смелого, смуглого, который главы своей богословской диссертации, украшенный барочными эмблемами трактат в письмах (!) начинает взволнованно-лирическими обращениями, памятными всем, кто читал «Столп и утверждение Истины» (1914): «Мой кроткий, мой ясный! Холодом, грустью и одиночеством дохнула на меня наша сводчатая комната, когда я в первый раз после поездки открыл дверь в нее. Теперь, - увь! -, я вошел в нее уже один, без тебя». «Помнишь ли ты, тихий, наши долгие прогулки по-лесу – по лесу умирающего августа. (...) Помнишь ли ты, далекий и вечно-близкий Друг, наши проникновенные беседы? Дух Святой и религиозные антиномии, - вот что, кажется, интересовало нас более всего» и т.п.⁵

Текст «Памяти...», кроме того, сложен и в другом отношении: в нем соприкасаются, просвечиваясь и взаимоотражаясь друг в друге, несколько эмоциональных состояний и концептуально-тематических пластов. Воспоминания о почившем друге, их общем детстве в Закавказье, об одном из последних приездов в Сергиев Посад Эрна, только что закончившего первую часть своей работы о Платоне,⁶ совмещаются с беседой с ним как с присутствующим («...Милый друг, (...) я расскажу тебе об одном новом впечатлении в связи с твоим отходом отсюда...»). Искреннее переживание горя от потери близкого человека сочетается с продолжением философской полемики, в которой явственны остаточные следы раздраженности и т.д. Полемика друзей – представителей христианского платонизма в русской мысли – носила принципиальный характер и была вызвана односторонним, слишком биографическим, по мнению Флоренского, пониманием Эрном основной интуиции Платона, исключительно солнечной, аполлонической:

«Все, что говорил ты в пути, значительно и важно и для Платона, и для тебя самого, ибо твое исследование о Платоне, несмотря на замкнуто-объективный характер изложения, было явно автобиографично и явно опиралось на лично пережитое. То же, чего ты не договаривал о Платоне, еще более характерно для тебя. Ты не видел ночной стороны платонизма, ты отрицал его дионисийство; и я тогда много спорил с тобою насчет этого, имея в виду Платона».⁷

Некролог как новелла *мистическая*, потому что в ней рассказано о содержании трансa, некоего «сна» наяву, который переживает Флоренский 29 апреля 1917 года (дата смерти Эрна), во время всеобщей.

«Запели стихиры на “Господи, воззвах”, и тут напало на меня странное состояние, внешне как будто оцепенение, что ли, и временное забвение всего, что было кругом. Сколько длилось это оцепенение, я не знаю – вероятно, не долго, потому что до окончания стихир я уже пришел в себя и заметил, что мои глаза

---

⁵ Флоренский П.А. [Сочинения]. Т.1. Столп и утверждение Истины (I). – Москва, 1990. –С.9, 109. Своего рода архаико-авангардная диалектика, понимаемая не как *coincidentia oppositorum*, но как сочетание несочетаемого: принцип (нео)барокко.

⁶ Последняя большая, прерванная смертью, работа Эрна «Верховное постижение Платона. Введение в изучение Платоновых творений», посвященная памяти кн. С.Н. Трубецкого (впервые: Вопросы философии и психологии. – 1917. Кн.137-138 (II-III). –С.102-173; совр. изд.: Эрн В.Ф. Сочинения. –Москва, 1991. – С.463-532). Прочитывая *гносеологически* знаменитое начало VII книги «Государства» («В мифе о “пещере” мы имеем сокращенную транскрипцию всего платонизма»), Эрн дает здесь тонкий анализ диалога «Федр», обнаруживая в нем «запись» исходной интуиции Платона, *солнечного постижения*. «Со стороны формальной мысль, развиваемая тобою, – общая нам обоим мысль, неоднократно обсуждавшаяся нами, - а именно, что философские воззрения Платона суть диалектическая проработка его биографически-личного мистического опыта, – пишет Флоренский. – Но если так, рассуждал ты, то и характер всей мысли Платона определяется каким-то исходным опытом, впервые введшим Платона в Царство вечного бытия и в зачатке содержащим всю систему мысли Платона. (...) Эту первичную запись платоновского посвящения и, следовательно, первичное изложение платоновской мысли в ее целом ты нашел в “Федре”, в том, что ты назвал “солнечным посвящением Платона”. По твоему убеждению, именно в той самой конкретной обстановке, которая изображена с протокольной точностью в диалоге “Федр”, Платон пережил там же изображенное экстатическое состояние от ослепительных лучей полуденного солнца Аттики, среди раскаленных скал и выжженных полей. В этом экстазе, или “солнечном восхищении”, *ἀρπαγμὸς ἡλιακός*, Платон воспринял светоносно солнечную природу горнего мира. Так был открыт платонизм» (Памяти... - С.349).

⁷ Там же.

мокры от слез. Внутренно оно было и полно содержания и как бы длительным. Мне представился ряд ярких, почти как сновидческие образы, быстро проносящихся видений, воспоминаний нашего с тобою знакомства, наши прогулки, наши разговоры, все наше общение».⁸

Стоит напомнить, что Флоренский понимал сон как то, что греки называли *ονειρος*, т. е. внушение свыше, явление в дольном мира горнего, тогда как для современного человека сон есть нехитро зашифрованное выражение скудной речи бессознательного.⁹ Вопрос о сне специально рассматривается в работе Флоренского «Иконостас» (1918–1922), которая начинается той же констатацией, что и «Столп»: двоемирие, деление всего сотворенного надвое, на мир видимого и мир невидимого, причем эти миры соприкасаются.¹⁰ «Мне представилась, словом, вся твоя жизнь, насколько я знал ее, последовательная и вместе – в едином созерцании».¹¹

Но в повествовании присутствует и сон Эрна, вернее, два, а еще точнее – один и тот же, который Эрн видит дважды, первый раз – в 1900 г., второй – в 1917, незадолго до смерти; мы еще обратимся к его содержанию.

Некролог как новелла *магическая*, потому что Флоренский *как бы* «разрешает» уход Эрна, «отпускает» его. «...Я слышу тебя говорящим: “Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое”. А если готово, то я не могу и не должен удерживать тебя от воспарения к иным светам, предварениями которых готовился ты к последнему восхищению».¹²

Вячеслав Иванов, о.Павел Флоренский и Владимир Эрн, имена которых присутствуют в названии этих заметок, в жизни были тесно соединены как дружескими связями, так и отношениями творческими. Флоренского и Эрна связывает дружба с детских лет, но и в философской работе они ближайшие единомышленники и сотрудники:

«Ведь мы с тобой учились вместе со второго класса гимназии, часто бывали друг у друга, прожили в одной комнате университетские годы и в дальнейшем часто виделись и гостили один у другого; вместе увлекались мы многим, самым дорогим для нас, вместе воспламенялись теми мечтами, из которых потом выкристаллизовались наши позднейшие жизненные убеждения; вероятно, немного есть мыслей, которые не прошли чрез совместное обсуждение. Наша общая жизнь была насыщена и философскими интересами, и горячим чувством близости; мы прожили нашу дружбу не вяло, – и восторгаясь и ссорясь порою от перенапряжения юношеских мыслей. Мы вместе бродили по лесам и по скалам преимущественно, вместе читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах. (...)И мы взаимно наблюдали, часто не говоря о том, ломки, тайные надломы в недрах души друг друга, и оба скорбели, в бессилии помочь, и оба уповали на иные силы помощи, из Вечности».¹³

Но если Эрн и Флоренский друзья-одногодки, то о дружбе Вяч. Иванова и Эрна нужно говорить особо, все же Иванов был старше друзей-тифлисцев на 16 лет. В конце 1904 – начале 1905 г. Эрн гостил у Вяч. Иванова в Швейцарии, в начале 10-х гг. они интенсивно общались в Риме, последние годы Эрн с семьей даже жил в московской квартире Иванова на Зубовском бульваре (где и умер). Следует говорить о плодотворном взаимовлиянии этих столь различных по возрасту и «лику» мыслителей, «протеистичного» Иванова и цельного, «монолитного» Эрна. Возможно, ярче всего отношения Эрна и Вяч. Иванова отражено в материале, озаглавленном «Памяти Вл. Ф. Эрна», присланном Ивановым Флоренскому из Сочи 12 июля: «Посылаю Вам, дорогой друг, глубокочтимый отец Павел, свою страничку в столь счастливо задуманный Вами

---

⁸ Памяти... -С.347.

⁹ Впрочем, философы всегда больше интересовались бодрствующей душой, работой сознания. Интерес к теме сна и сновидения связан с кардинальными изменениями в культуре, символическое выражение которых можно видеть в надписи на камне в сквере имени Фрейда в центре Вены, напротив так называемого Народного собора: «Голос разума негромок».

¹⁰ «С о н – вот первая и простейшая, т.е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. Пусть это ступень есть низшая, по крайней мере чаще всего бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, - восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что ёсть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью» (Иконостас //Флоренский П., свящ. *Сочинения*. –В 4 т. – Т .2. – Москва, 1996. -С. 419).

¹¹ Памяти... -С.347.

¹² Памяти... - С .351. Цитируется Псалтырь 107:2.

¹³ Памяти... –С.346-347.

первый сборник памяти нашего почившего Друга». ¹⁴ Приведем эту страничку полностью, она должна была быть первой в задуманном сборнике памяти философа (в левом верхнем углу проставлен № 1). ¹⁵

Памяти Вл. Ф. Эрна.

I.

Блаженный Брат! Ты чистым оком зреть
В представшей вновь паломнику Отчизне
Достоин все, что помнил в этой жизни, -
Огнем безгневным в Царстве Слав гореть.

Оратай был до жатвы умереть
Любовию предъизбран. Укоризне
Не вырваться из уст на светлой тризне!..
Там, где “мы вместе были”, - друга встретить!

Пусть малый дар нам, нищим, был отмерен
Из всех богатств, что в путь ты взял с собой,
Куда твой взор стремился голубой:

И в неземном Земле ты будешь верен;
И, Вышней Афродиты видя Лик,
Вспомянешь колос, что в пыли поник.

Сочи, май 1917.

II.

П р е д у в е д о м л е н и е . – Нижеследующее стихотворение было мною написано, когда я жил вместе с другом Эрном, и ему первому прочтено, ибо втайне оно было посвящено ему. Сладость и свет духовного с ним общения – таков был личный смысл и сокровенный замысел этих строк. Какое-то целомудренное чувство воспретило мне признаться, что я говорю о нем; быть может, он молчаливо угадал это сам. Впоследствии это стихотворение было введено мною во второй цикл моей (неизданной) лирической трилогии “Человек”. – Итак, я приношу эти строки в дань памяти почившего друга потому, что они к нему обращены и им внушены. Пусть будут они, в ряду заветных воспоминаний, сплетшихся в надгробный венок, возлагаемый дружбою на его свежую могилу, свидетельством одного из друзей о внутреннем опыте очищения, которое бывало даром его близости. Нередко, взглянув на него, сидящего молча, я должен был с немалым усилием скрывать внезапное трепетное умиление, готовое излиться в счастливых слезах: мнилось, из его глаз глядели глаза другие, Образ и Подobie Божии в нем сквозили из-за внешних черт несказанным светом. В глубине моей любви к молодому другу, пленявшему меня величием духа, голубиною чистотою души и орлиною зоркостью вперенных в Солнце высоких дум, тайлось благоговение к нему, как носителю иного, нового Имени. –

Свершается церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим

¹⁴ *Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования.* – Москва, 1999. – С.114.

¹⁵ Публикуется по рукописному автографу, сохранившемуся в архиве семьи Флоренских, в папке 15 «М[атериал]-лы о В.Ф. Эрне». А. Б. Шишкин в примечаниях к Переписке Вячеслава Иванова с Флоренским опубликовал черновик этой страницы: указ. изд. – С.114-115.

И светится внутренний день
Из наших немеющих глаз.
Семью ли лучами звезда,
Очами ль сверкнул серафим, –
Но тает срединная тень,
И в сердце сияет алмаз.

Начертано Имя на нем:
Друг в друге читаем сей знак;
Взаимное шепчем Аминь,
И Третий объемлет двоих.
Двоих знаменует огнем:
Смутясь, отступаем во мрак...
Как дух многозвезден и синь!
Как мир полнозвучен и тих!..

Вячеслав Иванов.

Во втором стихотворении (хронологически более раннем)¹⁶ присутствует тема сердца, тема дружбы-филии, проблематика Другого, – все то, что так знакомо по ключевым работам Иванова. Как отмечает А. Б. Шишкин, стихотворение «Свершается церковь...» в рукописном автографе из Римского архива Вяч. Иванова имеет название *φιλία*. Значение этого греческого слова рассматривает в «Столпе...», в главе-письме «Дружба», Флоренский (которому, в ответ на посвящении ему статьи Флоренского «Не восхищение непщева», Иванов в послании от 7 октября 1915 г. писал: «Сладостны мне, лестны и любезны эти знаки связующей нас, как я уповаю, *филии*»).¹⁷ В первом же (посмертном) стихотворении¹⁸ (и в *предуведомлении*) обращает на себя внимание прежде всего насыщенность *платонической* образностью и символикой света и Солнца: чистым (освобожденным от брэнной телесности) оком друг и брат, вернувшись в небесную Отчизну, где души наши («мы вместе были») предсуществовали *до* рождения-воплощения-ниспадения в земной мир, созерцает мир божественных эйдосов-смыслов, который он и в земной жизни, ведомый Афродитой Уранией, *помнил* (*αναμνησις*), видел «орлиною зоркостью вперенных в Солнце высоких дум»...¹⁹

Выскажу предположение, что эпитафия из Вяч. Иванова к тексту Флоренского появился после получения этого июльского письма. Эпитафия этот - «Солнце-Сердце».²⁰

Понятно, почему и в посвященной Эрну страничке Вяч. Иванова (прежде всего в посмертном стихотворении «Блаженный Брат!...»), и тексте Флоренского («Мы вместе (...) читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах») сразу же вводится тема Платона и Солнца, солнечного постижения: именем Платона

¹⁶ См.: Иванов В. *Собрание сочинений*. –В 4 тт. –Т.3 – Брюссель, 1987. –С. 215-216, с некоторыми разночтениями.

¹⁷ *Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования*. –Москва, 1999. –С.108-109, 108. См. замечательную работу, где много внимания уделено Эрну: Обатнин Г.В. «*Φιλία*» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // *Donum homini universali. Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева*. –Москва, 2011. –С.214-247.

¹⁸ Текст стихотворения опубликован в изд: Иванов В. *Собрание сочинений*. –В 4 тт. –Т.4. – Брюссель, 1987. – С. 63 (тетрадь С из Римского архива), с некоторыми разночтениями.

¹⁹ Фамилия Эрн – шведского происхождения, и означает «орел». Тема верности матери-Земле и тема живой Природы – чрезвычайно важна и для Иванова, и для Эрн, но здесь мы не можем ее обсуждать.

²⁰ Это название 1-го раздела из книги стихотворений Вяч. Иванова *Cor ardens* (Пламенеющее сердце) (2 тома, 1911). Напомню, что книга 5-я *Cor Ardens, Rosarium, «Газзлы»*, имеет посвящение: «Владимиру Францевичу Эрну эти сны об Афродите Небесной посвящаю с любовью» (Иванов В. *Собрание сочинений*. – В 4 тт. –Т.2 – Брюссель, 1974. –С.451). (18 газэл). Любопытно, что в разделе «Солнце-сердце» третье стихотворение «Солнце» - это газэла (С. 231-232).

начинался творческий путь Эрн,²¹ темой этой, обещающей *новую жизнь*, был заполнен последний его год.²² В последнее лето Эрн и Вяч. Иванов посещают Красную Поляну (горное место недалеко от Сочи), именно там Эрн переживает *свое* «солнечное постижение», которое становится ключом его интерпретации учения Платона.²³

Флоренский рассказывает об этом так:

«...Ты мне несколько раз говорил по приезде из Красной Поляны, а кажется - и писал оттуда, что лето 1916 г. – последнее твое лето, – открыло тебе Платона, ибо ты нашел его первичную интуицию. А открыл, ибо сам пережил нечто подобное. (...) Ведь ты помнишь тот опыт, который открыл тебе понимание Платона: в июле 1916 года, кажется, 25-го числа, т.е. как раз “на макушке лета”, по народному выражению, на Анну-зимоуказницу, ты поднимался из Красной Поляны на вершину Ачишхо. Снежные твердыни, залитые потоками всепобедного солнца, которое в горах, и в особенности на этот раз, сияло как-то исступленно, вызвали в тебе солнечное восхищение, как сам поведал ты».²⁴

Если Вяч. Иванов в посвященных Эрну материалах акцентирует прежде всего то, что единило их, столь различных по возрасту, характеру дара, темпераменту и т. п., то интенция текста Флоренского явно иная. Говоря о человеке, с которым на протяжении почти всей его краткой жизни был связан «горячим чувством близости», Флоренский старается выявить и прояснить различие в понимании важнейшей, коренной для обоих, философской темы.

«...Автобиографическая сторона твоей работы в односторонне-солнечном истолковании Платона болезненно задела меня, и, может быть, по преимуществу педагогически я тогда спорил с тобою, желая отвлечь тебя несколько в сторону. Нельзя жить с сердцем, пронзенным одною только солнечностью; там, где нет творческого мрака пещерных посвящений, Солнце-Аполлон сжигает и губит, переходя в Молоха. И как ты не мог понять, что солнечное восхищение, тобою описанное, уже есть, в своей односторонности, нарушение мистического равновесия, уже есть солнечная смерть».²⁵

Различие, за которым стоит уже не логика и не работа сознания, а то, что глубже логики, то, что определяет сознание в его эвристичной направленности и логику в ее продуктивном развертывании. «Я помню, что формально ты соглашался со мною, но мои слова не доходили до твоего сознания...».²⁶ Различие, которое уходит в самую глубокую глубину, которое коренится в самой средоточии духовной организации человека, в самой его сердцевине, *сердце*.

Напомним, что часть 2-я «Столпа», «Разъяснение и доказательство некоторых частных, в тексте предполагавшихся уже доказанными» – это своего рода экскурсии по ряду проблем; один из них, а именно XXI, – «Сердце и его значение в духовной жизни

²¹ «Когда я вкратце познакомил своих учеников с философией Платона (в связи с умственным движением в Афинах послесократовского времени), В. Ф. Эрн в классе же поставил мне вопрос: “не есть ли учение Платона об идеях основа всех последующих философских систем?” Этот вопрос, а равно и ряд других, несомненно свидетельствовал, что Эрн начитан и знает много больше, чем хороший ученик 8-го класса тогдашней русской гимназии» (Гехтман Г.Н. *В. Ф. Эрн. (Впечатления бывшего учителя гимназии) // Архив семьи Флоренских*; из материалов для сборника памяти Эрн, под №2. –С.4).

²² «Ты говорил, что считаешь себя ничего до сих пор не написавшим и что это первая работа твоя, которая почти адекватно выражает твою мысль и которую ты признаешь за удавшуюся тебе. Ты считал, что до сих пор ты не существуешь как писатель и лишь этой работой вступаешь на писательское поприще» (Памяти... - С.348). К этому времени Эрн был автором четырех больших книг, нескольких брошюр, более сотни статей.

²³ Византист Ю.А. Кулаковский в письме В.С. Иконникову от 21 июля 1916 г. из Красной Поляны оставил любопытное свидетельство: «Хоть я ехал сюда на одиночество (и этого вовсе не боялся), но вышло, что имею сожителя – поэта Вячеслава Иванова. Это весьма интересный человек, с которым наши беседы за утренним и вечерним чаем имеют чрезвычайно широкий и очень разнообразный диапазон. Он учёный классик, и к нему приложима кличка, которую дал некогда Роде начинавшему свою литературную карьеру Ницше, - *der DiesuViche Vogel* [«сладкопевец»]. Он теперь переводит метрами подлинника трагедии Эсхила для серии Сабашникова. Здесь же и его молодой друг, философ [В.Ф.] Эрн, прошумевший своей речью “От Канта к Крупну”, человек образованный и убеждённый православный христианин. Он что-то пишет теперь о Платоне (Фэдр). Таким образом, я живу здесь в очень интересном обществе. Жёны обоих очень милые дамы» (Цит. по: Пучков А.А. *Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России*. –Изд. 2-е, перераб. и доп. – Санкт-Петербург, 2004. –С.260).

²⁴ Памяти... -С.348, 350.

²⁵ Там же. –С.349-350.

²⁶ Там же. –С.350.

человека, по учению Слова Божия. (Из статьи П.Д. Юркевича) (к стр.267)». Здесь находим следующие принципиальные для Флоренского характеристики: «Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека. В сердце зачинается и рождается решимость человека на такие или другие поступки, в нем возникают многообразные преднамерения и желания; оно есть седалище воли и ее хотений». «Сердце есть седалище всех познавательных действий души». «И как мышление есть разговор души с собою, то размышляющий ведет это внутренний разговор в сердце» своем...» «Наконец, сердце есть средоточие нравственной жизни человека».²⁷

А в части 1-й, основной, в главе-письме девятом «Тварь» в контексте темы отрешения от субъективности и необходимости жизни объективным, Флоренский говорит самое главное о сердце: «Сердце – не аллегория, а тавтология».²⁸ Что это такое? Вспоминается, прежде всего, категория и аллегория. Однако сердце – не категория. Категории – фундаментальные понятия, формы мысли, способы суждения о сущем. Здесь не важно, в аристотелевском ли онтологическом смысле, или в кантовском, как форма логической мыслимости объекта вообще, сердце – не способ суждения, не форма высказывания. Отчего не аллегория? Аллегория – это иносказание, условная форма высказывания, при которой наглядный образ означает нечто «иное», чем есть он сам, его содержание остаётся для него внешним: сердце – не аллегория.

Тавтология – отсылка к любимому поколением русских мыслителей Шеллингу²⁹, именно он во введении в курс философии мифологии говорит: «(...) Мифология сразу же возникает как таковая и не с каким иным смыслом, но с тем, какой она высказывает. (...) Все в ней надо понимать так, как это высказывается, а не так, как если бы тут думали одно, а говорили другое. Мифология не аллегорична, она тавтологична. Боги для нее — действительно существующие существа, которые не что-то одно суть, а другое значат, но только лишь то значат, что они суть».³⁰

Т.е. сердце-тавтология у Флоренского, – это сама реальность, само концентрированное выражение глубинного содержания сущего, это сверх-символ, в котором явлено символизируемое, не иносказание, но осуществление, свершение самой реальной реальности человека.

Но если «философские воззрения (...) суть диалектическая проработка биографически-личного мистического опыта», то каков изначальный, глубинный, опыт Эрнэ? И как он соотносится с *памятью сердца* его скорбящего друга? Изначальный биографически-личный мистический опыт Эрнэ проясняется для Флоренского в состоянии транс, «ощепенения» на всенощной (когда он еще не знает о кончине друга):

«...В содержательности многообразной картины твоей жизни мне чувствовалась одна первичная интуиция. Все вспомнившееся о тебе относилось к солнечным дням, к жаркому времени Закавказья, в особенности к знойному и ослепительному лету. Твой образ рисовался моему воображению, если это было только воображение, в воздушной перспективе прозрачно-голубого горного воздуха, в ослепительном, как только на горах бывает ослепительно, знойном солнце. Я не помню, вспоминался ли ты мне в комнате или среди зимней природы, но если это и было, то не задело сознания: все яркое, запечатлевшееся было пронзено лучами солнца. Вихрем неслись воспоминания и ещё более быстрым вихрем растворенные с образами мысли. Словно что-то искалось. Но как только было сказано это слово “пронзено солнечным лучом” – мысль нашла себя».³¹

И потому так значимо для Флоренского содержание сна, виденного Эрнэ дважды, –

²⁷ Флоренский П.А. [Сочинения]. Т.1. Столп и утверждение Истины (II). – Москва, 1990. –С.535, 536, 537. В проспекте предполагаемого издания сочинений Юркевича 1919 г., в аннотации «Сердца и его значения в духовной жизни человека», которую подготовил, похоже, А. Ф. Лосев, дана замечательная характеристика: «Корень структуры человеческой психики обнаруживается в сердце как средоточии эмоционально-цельного потока сознания; характеристика «я» близко напоминает Бергсона или «Stream of Thought» Джемса» (См. примечания в изд.: Юркевич П.Д. *Философские произведения*. –Москва, 1990. –С.642).

²⁸ Там же. –С.268.

²⁹ Понятие впервые ввел, похоже, С.Т. Кольридж в работе о самофракийских божествах Шеллинга, подсказывает Юрий Вестель.

³⁰ Шеллинг Ф.В.Й. *Сочинения*. – В 2-х тт., Москва, 1989. Т. 2. –С. 324–325.

³¹ Памяти... - С. 348.

сна, где присутствует потрясающая версия старого как мир символа: сердце, пронзенное стрелой.

«...А между тем ты знал гибельность солнечного воспарения, знал на опыте и как-то не считался с ним. (...) И уже после, когда впечатление ослабло, – осенью, ты рассказывал об этом созерцании как об “ужасном”, “потому что, – говорил ты, – невозможно видеть такую красоту и не умереть”. И этот круг твоих мыслей, вращаясь в тебе полусознательно, облекся в взволновавший тебя сон, виденный за некоторое время до смерти. Ты видел себя держащим в левой руке свое сердце, которое надо было тебе пронзить чем-то острым, что было у тебя в правой, – пронзить как-то необычайно осторожно, ибо от успеха этого все зависело. Это острое, думается мне, была стрела Аполлона. И, как бы переключаясь с твоим солнечным восхищением на Ачишко, отвечает ему твой сон, виденный ровно 16 лет тому назад в Тифлисе 25-го же июля».³²

Остроту темы выявления, осознания и различения Флоренским биографически-личного мистического опыта друзей-философов можно ощутить ярче, если припомнить некоторые события их жизни в последний эрновский год. Обретя летом 1916 г. в Красной Поляне «солнечное восхищение» и работая над «Верховным постижением Платона», Эрн, как мы знаем, время от времени навещает Флоренского в Сергиевом Посаде и делится с ним своими впечатлениями и размышлениями. Эти последние встречи и беседы друзей оказываются в известном смысле инспирацией, поскольку Флоренский в то время набрасывает первые страницы своих поразительных по силе и отчетливости интроспекции «Воспоминаний прошлых дней» («Детям моим»). После нескольких страниц о своих родителях и семье, Флоренский сразу же переходит к изложению самого главного, стремясь зафиксировать изначальное, глубинное. «А т[ак] к[ак] первые детские впечатления определяют дальнейшую внутреннюю жизнь, то я попытаюсь записать возможно точнее все, что я могу припомнить из впечатлений того времени».³³

Одно из самых ярких впечатлений раннего детства – *прогулки с мамой* по летнему Тифлису (запись 1916. XI. 23). И сразу же обнаруживается нечто уже знакомое:

«Жгучее тифлисское солнце, дышащий в лицо жар от накаленных скал, стен и мостовой, душный воздух и тяжелые, словно злые, лучи, придавливающие долу своею тяжестью спину и голову, словно прижимающие к мостовой пыль, врезались в мое сознание, и с тех пор во мне живет чувство враждебности Солнца-Молоха, полуденного тифлисского солнца, готового пожрать все живое. В этих прогулках мне открылась еще таинственная и уже определенно враждебная сила природы».³⁴

Но еще раньше, чем припоминание «враждебного и злого Солнца-Губителя»,³⁵ практически первой, а значит, фиксирующей нечто еще более важное и коренное, идет запись Флоренского от 1916. XI. 18: описание того, что однажды в сумерках потрясло его, двухгодовалого, что привело его в ужас. «Со мною сделалось что-то вроде нервного припадка»: точильщик точил ножи, вертелось-кружилось, издавая специфический звук, колесо, и от него сыпались яркие искры...

«... Я остолбенел и пораженный ужасом, и захваченный дерзновенным любопытством, зная, что не должно мне видеть и слышать видимого и слышимого. Но мне открывалась живая действительность таинственных сил естества, бемовская первооснова, гётевские матери. (...) Не знаю, сколько времени длилось это откровение и столбняк. Секунду ли, несколько ли секунд; но, конечно, очень недолго. И только прошел упоительный и страшный миг **слияния** с этим огненным первоявлением природы, только явилось сознание себя, как панический ужас охватил меня. И вот характерная подробность: никогда мне не изменявшее самообладание в минуту **последнего ужаса** появилось у меня и тогда, и это первое из памятуемых мною таинственных потрясений души». (...) Это чувство откровения тайн природы и ужаса,

---

³² Памяти. –С.350. Говоря о тифлисском сне, Флоренский приводит выдержку из дневника Эрна. Сон этот произвел на Эрна сильное впечатление, о чем говорит и Е. Я. Архиппов, вспоминая московские студенческие годы: «Тогда же, в этот период подготовки к экзаменам Вл. Фр-ч рассказал мне о своём апокалипсически-страшном видении, которое он видел в год окончания гимназии (лето 1900 года). Копьём, которое держал правой рукой, он вот-вот готов был пронзить *своё сердце*, лежавшее в левой руке. Он не комментировал тогда своего видения, а я оценил в нём какую-то жутко-привлекательную поэтическую сторону» (Архиппов Е.Я. *Памяти Владимира Эрна* //Архив семьи Флоренских. Из материалов для сборника памяти Эрна. Под № 3. Тетрадь II. –С.22-23).

³³ Флоренский Павел, священник. *Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание.* –Москва, 1992. –С.31.

³⁴ Там же. –С.36.

³⁵ Там же.

с ним связанного, тютчевской Бездны и влечения к ней было и есть, как мне думается, одна из наиболее внутренних складок моей душевной жизни. Вглядываясь в себя еще пристальнее, я нахожу еще нечто, чему я научился от этого нашего обитания в двух квартирах, сообщающихся двором. Это именно твердое, органическое убеждение в мистическом “есть” при противоречии ему эмпирического “кажется”». ³⁶

Вот где коренится и *ночная сторона* платонизма у Флоренского, и сердце не категория, не аллегория, но *тавтология*. И здесь же укоренено осознание того, что именно открылось Флоренскому в его странном оцепенении во время всеобщей 29-го апреля 1917 г.:

«Переживая твою жизнь в кратчайший срок, я почувствовал, что вся она была путем к радостно-восторженному пронзению своего сердца солнечным лучом, и плакал я не о тебе, а о нас, в тебе нуждающихся. (...) На этом внутреннем решении прервался поток моих образов и мыслей, но вместе с тем возникла полная уверенность, что эти минуты были вызваны во мне тобою, уже не дождавшимся моего решения. Вернувшись домой после службы и некоторых дел, я прочел полученную в моё отсутствие телеграмму, поданную 29-го в 5 часов 23 минуты: “Эрн умер”». ³⁷

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

The present article of Oleg Marchenko (Moscow) is devoted to the symbolism of heart in Vyacheslav Ivanov, Pavel Florensky and Vladimir Ern. The paper deals with Florensky's obituary "In memory of Vladimir Frantsevich Ern" (1917), accompanied with the epigraph from Ivanov's *Cor Ardens*. Certain aspects and implications of this «mystical-magical novella», particularly the difference in original biographical and personal mystical experience, will become more evident if it is read along with Ivanov's poems "Blazhenny brat!..." and "Svershayetsa tserkov..."), and especially with Florensky's memoirs "To my children" (1916).

Key words:

Viacheslav Ivanov, Pavel Florensky, Vladimir Ern, symbol, heart, sun, light, Platonism, the apollonian, the dionysiac, abyss.

---

³⁶ Флоренский Павел, священник. *Детям моим...* –С.32, 33.

³⁷ Памяти... – С.351.